

Оним как объект автороведческого исследования

В статье рассматривается ономастическая лексика как объект исследования в криминалистике, анализируются её функции.

Ключевые слова: ономастика, оним, диагностика, криминалистика.

Единицы, составляющие ономастическое пространство языка, специфичны в силу своей гипертрофированной экстралингвистичности, что делает их особенно привлекательными для представителей многих наук — историков, географов, астрономов, литературоведов [3: 4]. Собственное имя является носителем информации, создающей почву для глубоких научных исследований в логике, психологии, психо- и социолингвистике.

К сожалению, в области криминалистики существует известная недооценка значения и места ономастических номинаций при установлении индивидуализирующих особенностей речевого поведения личности. А вместе с тем, нисколько не умаляя значения иных языковых единиц, можно констатировать поистине неисчерпаемые возможности имени собственного в качестве идентификационного, классификационного и собственно диагностического средства в автороведческой экспертизе.

Последняя представляет собой область научного знания, связанную с разработкой проблем исследования письма — письменной речи и почерка — как носителей информации, имеющей значение для уголовного судопроизводства. В основе автороведческого исследования письменной речи лежит определение особенностей письменно-речевых навыков. В силу отражения сложившихся в центральной нервной системе условно-рефлекторных связей эти навыковые особенности складываются в индивидуализирующую каждую личность совокупность — идиолект — и могут быть использованы в качестве идентификационных признаков в целях установления автора исследуемого документа. В рамках судебно-автороведческой экспертизы решаются задачи идентификационного и классификационного плана. Идентификационное исследование устанавливает принадлежность текста данному лицу, является ли автор и исполнитель одной или разными личностями, присутствуют ли в тексте признаки намеренного искажения письменной речи (иногда последнюю задачу относят к экспертизам диагностического типа). Классификационные изыскания связаны с установлением статуса и социальных ролей анонима (пола, возраста, уровня образования, родного языка, профессии). Имя собственное, как представляется, должно быть активно задействовано во всех направлениях автороведческого поиска.

В идентификационном исследовании оним может оказаться полезным в качестве доказательства при установлении факта выполнения текста под диктовку или дифференциации автора и исполнителя. Анализ свободных и экспериментальных образцов убедительно свидетельствует о машинальном производстве текста, что находит выражение прежде всего в правописании. В числе орфографических недочётов — написание имён собственных со строчной буквы как следствие ослабленного внимания и механического исполнения графических знаков; неразличение омонимов (Орел — орел, Вена — вена, Роман — роман, Лилия — лилия, Майя — мая); не соответствующее требованиям нормы написание названий предприятий общественного питания, периодических изданий, агоронимов и других разрядов онимической лексики, требующих заключения в кавычки (магазин обжора, рынок привоз). Орфографические недочеты в текстах, выполненных под диктовку, отмечаются и в написании иноязычных имен собственных, особенно у исполнителей с низким интеллектуально-культурным уровнем. Отсутствие энциклопедической информации замещается системой ассоциативных связей, вследствие чего создаются

ложноэтимологические номинации: *туда* хамон (Тутанхамон), эвра *дика* (Эвридика), *Лиза бом* (Лиссабон). В сфере грамматики пишущий под диктовку часто нарушает нормы согласования и управления (Принесу я подарки только маленьким Маша и Оля). Элементы “творческого”, осознанного подхода исполнителя к авторскому тексту в области ономастики, к сожалению, не могут быть подвергнуты анализу автороведам из-за отсутствия фонограмм оригинала. Но в ходе эксперимента подобные случаи неоднократно фиксировались. Это изменение топографии инициалов (И. П. Иванов вместо Иванов И. П.), замещение имени отчества инициальным вариантом (Самойлов Р. П. вместо Самойлов Роман Петрович), а в области эргонимов — замена официального названия аббревиатурной номинацией.

Как известно, при проведении идентификационной экспертизы выводы автороведа базируются на устойчивом отборе языковой личностью определенных языковых средств. Причем феномен сохранения стереотипа настолько силен, что отмечается даже при попытках преднамеренного искажения признаков письменной речи. В этом смысле определенным консерватизмом наделены и некоторые типы функционирования антропонимических форм. Безусловно, к их числу не относится ситуативная антропонимическая вариативность. А вот индивидуальная антропонимическая норма, конечно, не всех, а только некоторых видов личных имен может оказаться полезной в идентификационных целях. Из пары (официальный — разговорный) вариантов имен типа *Екатерина* — *Катерина*, *Елизавета* — *Лизавета*, как правило, говорящим традиционно и стабильно выбирается один. Устойчивым является также предпочтение в письменном тексте полной или стяженной формы отчества, образованного от “княжеских” двухэлементных имен на —в: Вячеславович — *Вячеславич*, Вячеславовна — *Вячеславна*, Владиславович — *Владиславич*, Владиславовна — *Владиславна*. Стабильность в предпочтении одного из вариантов именно данных отчеств, думается, следует объяснять значительно более длительным периодом их нормализации в сравнении с иными видами подобных образований [1: 232]. Аналогичный консерватизм отмечается и в категории имен, например у вариантов-дублетов: *Наталия* — *Наталья*, *Мелания* — *Меланья*, а если устойчивым оказывается синоним-коррелят украинского или, скажем, белорусского языка, то, наряду с идентификационным, может быть сделано и предположение классификационного характера о родном языке анонимного автора (ср. *Анна* — *Ганна*, *Татьяна* — *Тетяна*, *Елена* — *Олена*).

Определение родного языка — одна из основных составляющих социально-биографического портрета, воссоздаваемого автороведам в розыскных целях (классификационная экспертиза). И собственные имена, наряду с нормативными лексическими вариантами ономастической системы родного языка, например названными выше антропонимами, а также топонимами (укр. *Видень* (*Вена*), узб. *Хиндистон* (*Индия*) и др.), способны отразить в русском тексте целый ряд особенностей системы “материнского” языка. Так, специфика фонетического строя языка автора находит выражение на графико-орфографическом уровне: узб. *Сырдарья* — русск. *Сырдарья*, укр. *Хома*, *Пилип* — *Фома*, *Филипп*. В качестве примеров орфографических недочетов интерференционного характера, свидетельствующих о родном языке автора русскоязычного текста, в частности, скажем, украинца (что актуально для автороведческих исследований на территории Одессы и Одесской области), могут быть приведены следующие ошибки: *Олександр*, *Олексей*, *Филип*, *Свитлана*, *Игор*, *Андрій*. Кстати, правописание имён одновременно является показателем другого, не менее важного социального параметра адресанта — интеллектуально-культурного уровня, где о его нижнем пределе свидетельствует исполнение антропонимов на основе фонетического принципа: *Вячислаф*, *Растислав*, *Кирил*. Словообразовательная интерференция может быть представлена украинскими уменьшительно-ласкательными дериватами (*Сашко*, *Наталка*, *Дмитрик* и под.), грамматическая — склонением украинских фамилий. Весьма весомы в диагностическом плане ошибки межъязыковой фразеологии, включающей ономастический компонент, типа *Коломенская верста* — *Чугуевская верста*, *Млечный путь* — *Чумацкий шлях*.

Место формирования языковых навыков может быть определено по особенностям диалектной парадигматики: *Сашою* (лит. укр. *Сашею*) — юго-восточное наречие; употребление флексии —*ію* в творительном падеже единственного числа вместо —*ею* (з *Олію*, з *Танію*) (среднеаднепрянский говор), отсутствие чередования *г*, *к*, *х* // *з*, *ц*, *с* или, наоборот, наличие этого чередования в родительном падеже (*в Іванівкі*, *в житті Лесі Українці*) (волинско-полесский говор);

особая форма творительного падежа в русских говорах (с *Володем*), предложного падежа на —у (в *Курску, при Миколаю*) и др.

Место проживания разыскиваемого лица может подсказать форма андронима (если анализируются локальные территории): например, к фамилии *Савченко* существует несколько дериватов — *Савчениха, Савчеха, Савчиха, Савчучка*, и ареал распространения каждого может быть ограничен одним селом из ряда окрестных. Из групповых антропонимов топографической информацией располагают коллективные региональные прозвища. В нашем материале они представлены в достаточном количестве. В качестве иллюстрации приведем одно из них — “касяне” — прозвище членов рыболовецкой бригады, базирующейся по известному адресу и возглавляемой бригадиром по фамилии *Касян*, в свете чего фраза из анонимного письма, включающая это прозвище: “*Там целую ночь касяне рыбалят, а их спецмашина возит рыбу*”, может существенно локализовать поиск местопребывания адресанта.

В деле успешного решения вопроса о возрастных параметрах личности трудно переоценить диагностические возможности антропонимов и топонимов. Нормативная ономазиология предписывает носителю литературного языка стабильное обладание топореферентной компетенцией. Её же вариативность в дискурсе может оказаться полезной в плане диагностирования возрастной стратификации коммуникантов, особенно в аспекте актуальной в настоящее время проблемы переименования и реноминации. Противопоставление в диалоге, устном или письменном, кореферентных топонимических обозначений, отражающих устойчивый навык номинации, эксплицирует (наряду с иными признаками) неоднородность возрастных параметров (ср. доминирование в речи молодежи астионима *Санкт-Петербург* и его успешного “конкурента” — *Ленинград* — в кругу лиц среднего и пожилого возраста; соответственно *Экологический университет* — *Гидромет* и под.). Для диагностики возрастного параметра приемлемы также такие переменные символические единицы, как антропонимические формулы “детерминант + имя (в любой форме)”, где в качестве титульного слова функционируют релятивные номинации (дядя, тётя, бабушка и т. п.), антономасии поэтонимов (*Митрофанушка, Татьяна Ларина*, где наличествует сема `возраст`, хотя и периферийно), лепетные имена.

Затронутые в данной работе аспекты диагностических возможностей онимов, безусловно, не исчерпывают всего многообразия возникающих при этом проблем и должны рассматриваться как некоторые предварительные наблюдения фактического языкового материала. Дальнейшие изыскания в этом направлении, проводимые на более широком корпусе текстов, могут способствовать успешному решению актуальных вопросов собственно диагностической экспертизы и современных нестандартных исследований, выходящих за рамки методик судебно-автороведческого анализа.

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение — М., 1984.

2. Вул С. И., Довженко О. В. Об аналитическом исследовании текста документа в целях установления факта необычности условий его составления // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики. — Харків, 2003.

3. Карпенко Ю. А. Специфика ономастики // Русская ономастика. — Одесса, 1984.

T. F. Shumarina

ONYM AS AN OBJECT OF THE RESEARCH OF AUTHORSHIP

The article deals with onomastic vocabulary as an object of investigation in criminality, analyses its functions.

Key words: onomastic, onym, diagnostics, criminality.

Т. Ф. Шумаріна

ОНІМ ЯК ОБ'ЄКТ АВТОРОЗНАВЧОГО ДОСЛІДЖЕННЯ

В статті розглядається ономастична лексика як об'єкт дослідження в криміналістиці, аналізуються її функції.

Ключові слова: ономастика, онім, діагностика.